

1854.

№ 14.

У С Л О В И Я П О Д П И С К И :
Годовое издание съ пересылкою . . . 8 р. 50 к.
Полугодовое . . . . . 4 • 50 к.
Газета печатаетъ съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер., со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
въ Тифлиса: въ Канцелярїи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербурга. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. П. Доспутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

17 ФЕВРАЛЯ,

СРЕДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 26-го Января.

Высочайшими приказами, отданными по гражданскому вѣдомству 1-го января 1854 года, за № 6, помощникъ архивариуса канцелярїи Намѣстника Кавказскаго **Григорій Басенин**, произведенъ за выслугу въ коллежскіе регистраторы, со старшинствомъ съ 20 октября 1852 года; утвержденъ по выборамъ директоромъ Закавказскаго Приказа общественного призванія, губернской секретарь **Князь Абамидзе**. 10-го января, за № 7, младшій учитель Тифлисскихъ гимназій **Ватурскій**, произведенъ въ коллежскіе секретари, по степени кандидата Университета, съ 15 февраля 1850 года; окончившіе курсъ въ школахъ Кавказскихъ межевщиковъ **Ерзинковъ** и **Шольцъ**, произведены въ коллежскіе регистраторы, оба съ зачисленіемъ на службу по межевому вѣдомству на Кавказъ старшими землемерными помощниками. 16-го января за № 11: действительный студентъ Императорскаго Московскаго Университета **Шалинскій**, определенъ въ службу, съ званіемъ губернскаго секретаря, помощникомъ столоначальника Шемахинскаго Губернскаго Правленія, съ 30 сентября 1853 года.

Т И Ф Л И С Ъ, 17-го Февраля.

14-го ч. февраля выѣхали изъ Тифлиса: командующій войсками, расположенными на Турецкой границѣ, Генераль-лейтенантъ князь В. О. Бебутовъ, въ Александрополь, и Тифлисскій Военный

Губернаторъ, Генераль-лейтенантъ князь И. М. Андрониковъ, — въ Озургеты.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

АНГЛІЯ.

Адмиралтейство вызываетъ желающихъ произвести поставку на островъ Мальту 17,000 тоннъ каменнаго угля для снабженія имъ пароходной эскадры Средиземнаго Моря.

Въ Коркскихъ казармахъ дѣлаются приготовленія для помѣщенія войскъ, предназначенныхъ къ отправленію за границу. Коркъ избранъ мѣстомъ снаряженія судовъ и войскъ, по причинѣ находящихся тамъ разнаго рода удобствъ для нагрузки, и т. п.

До пятидесяти тоннъ разнаго рода медикаментовъ отправлено 28 января (н. с.), изъ Соутемптона къ Англійской эскадрѣ въ Босфоръ, и должны въ пятнадцать дней прибыть къ мѣсту своего назначенія. (Daily News.)

Какъ-бы ни были до сихъ поръ неопредѣленны намѣренія Британскаго правительства, несомнѣнно, однакоже то, что оффиціальныи Лондонскій миръ обнаруживаетъ необычайную дѣятельность. Сношенія между главнокомандующимъ и первымъ лордомъ Адмиралтейства, генераль-фельдцейхмейстеромъ, военнымъ министромъ и герцогомъ Ньюкестльскимъ безпрерывны. (idem.)

ТУРЦІЯ.

Изъ писемъ нѣкоторыхъ Константинопольскихъ негоціантовъ видно, что Константинополь укрѣпляется со стороны материка земляными насыпями, производимыми съ помощью англійскихъ и французскихъ инженеровъ.

14 января отъ военнаго министра отправленъ второй курьеръ къ Омеръ-пашѣ, съ предписаніемъ продолжать военныя дѣйствія дѣятельно и безостановочно.

Г. Бараге-Диллиеръ отправился въ Румелию, а Султанъ — въ Адрианополь. Де-Берманъ, начальникъ Турецкой артиллеріи, въ скоромъ времени

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Прощальный бенефисъ г-на Дербеза.

Однажды я ставилъ на столичной сценѣ грѣшный какой-то водевиль собственнаго произведенія. Водевиль былъ написанъ на случай; намековъ, куплетовъ и современности набралось вдоволь. Представленіе назначалось въ пользу одного извѣстнаго артиста, афиша дѣйствовала, у кассы толпился народъ. Все шло какъ нельзя лучше. На послѣдней репетиціи, утромъ въ день спектакля, я замѣтилъ только, что первый комикъ, исполнявшій главную роль, читалъ разсѣянно, безъ одушевленія. Авторское самолюбіе не выдержало. Я остановилъ представителя моей веселости и позволилъ себѣ нѣсколько замѣчаній. Первый комикъ взглянулъ на меня съ кроткимъ, грустнымъ упрекомъ. — «Извините меня,» — сказалъ онъ, — «вечеромъ я постараюсь, а теперь право не могу. У меня сегодня мать умерла». И вы играете? воскликнулъ я съ ужасомъ. — «Чтожь дѣлать, продолжалъ онъ; бенефисъ товарища, — не могу же я испортить бенефиса. Онъ — главный доходъ, годовая надежда артиста.» Вечеромъ театръ былъ полонъ: водевиль имѣлъ успѣхъ. Публика хохотала до упада отъ игры своего любимца, не подозревая, что въ веселой шуткѣ, выброшенной для минутнаго смѣха, таилась цѣлая печальная, поразительная драма. Съ того времени я понималъ только, что значить слово бенефисъ.

нефисъ. Съ того времени оно внушаетъ мнѣ всегда какое-то тяжелое чувство состраданія, съ которымъ смѣшивается мрачная картина блѣдной покойницы на столѣ, у ногъ которой безутѣшный сынъ заучиваетъ сквозь слезы разные остроуы и каламбуры. Вотъ почему я всегда готовъ подать руку бенефицианту, не смотря на то, что ненавижу бенефисы, какъ явное зло для искусства. Вотъ почему при видѣ пустаго бенефиса сердце мое сжимается; при видѣ бенефиса полнаго и удачнаго, мнѣ какъ-то легче на душѣ, и я готовъ благодарить почтеннѣйшую публику за то, что она увлеклась аффишей.

Въ нынѣшнемъ году въ Тифлисѣ необыкновенное изобиліе снѣга и бенефисовъ. Снѣгъ выпадаетъ вѣроятно въ бенефисъ любителей Русской зимы, а бенефисы сыплются рѣшительно какъ снѣгъ на голову.

Къ истинному моему удовольствію, я долженъ прибавить, что большая часть бенефисныхъ представлений прошла необыкновенно-удачно если не по качеству предлагаемаго публикѣ, то по количеству получаемаго отъ нея. Сборы нѣкоторыхъ бенефисовъ доходили, съ подарками, до 1500 руб. сереб., такъ-что иной столичный артистъ могъ-бы позавидовать своимъ тифлискимъ собратьямъ. Бенефисы гг. Манохина, Иванова, Арнольда, Барбieri, г-жи Яблочниной, Чесновой, Павловой, Рамони, Вазоли, представили итоги самыя утѣшительныя, почти невѣроятныя.

Теперь наступила масляница. Театральная дѣятельность въ самомъ разгарѣ. Еще нѣсколько представлений, и за тѣмъ здѣшнимъ жителямъ надолго останется только воспоминаніе о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыми подарилъ ихъ тифлискій

театръ. Такія воспоминанія никогда не изглаживаются. Искусство имѣетъ ту хорошую сторону, что оно входитъ въ душу, отсвѣчивается въ ней, и приучаетъ ее къ эстетическимъ требованіямъ, къ пониманію всего прекраснаго. Театръ не только забава, не только средоточіе обществности. Онъ имѣетъ высшее и лучшее значеніе, тѣмъ-что онъ возвышаетъ вкусъ, знакомитъ съ произведеніями великихъ художниковъ, съ мыслями людей гениальныхъ, и бросаетъ въ толпу начала изящнаго, т. е. благороднѣйшихъ стремленій человечества. Конечно, чѣмъ лучше зрѣлище, чѣмъ даровитѣе сценическіе дѣтели, тѣмъ и польза приносимая театромъ ощутительнѣе. Въ этомъ отношеніи Тифлисъ не можетъ еще стать на ряду съ городами, гдѣ искусство развивалось въ теченіи вѣковъ. Наши артисты не могутъ еще называться первостатейными; о каждомъ изъ нихъ въ особенности, обо всѣхъ въ совокупности, въ общей гармоніи представлений, строгая критика могла бы высказать свои замѣчанія. Но у насъ находится, и къ сожалѣнію мы скоро должны будемъ сказать, что у насъ находилась, одинъ истинный театральныи художникъ, передъ которымъ придирчивость критики должна умолкнуть и обратиться въ безусловную похвалу. Этотъ истинно-замѣчательный артистъ не румянится, не завивается, не танцуетъ, не поетъ, и не говоритъ, — и со всѣмъ тѣмъ онъ всегда лицомъ къ лицу съ публикой. Онъ тотъ чародѣй, который изъ досокъ и триащъ создаетъ цѣлый миръ очарованій, строитъ дворцы, громоздитъ горы, располагаетъ солнцемъ и мѣсяцемъ, и переводитъ природу на полотно. Отъ него въ театрѣ все получаетъ образъ и смыслъ. Онъ владыка того свѣта въ нѣсколько аршинъ, гдѣ при каждомъ

ѣдетъ въ кр. Шумлу. Эти известія хотя и не-официальные, но достовѣрныя.

ГРЕЦІЯ.

Въ одномъ изъ Аѳинскихъ журналовъ пишутъ слѣдующее: «То, что теперь происходитъ въ Греціи, заслуживаетъ вниманія всякаго разсудительнаго и безпристрастнаго человѣка. Чтобы коротко и ясно выразить чувства Грековъ, при могущихъ случиться на Востокъ происшествіяхъ, стоить только бросить бѣглый взглядъ на ихъ прошедшее.

Греція, игравшая въ древности блестящую политическую роль, распространявшая свое оружіе и колоніи отъ Адриатическаго моря до Нила и Евфрата, даже въ началъ своего паденія, не иначе подверглась Римскому владычеству, какъ подвергая самихъ побѣдителей нравственному своему владычеству. Въ то время, какъ Италия, Галлія, Британія и значительная часть Африки, отказываясь отъ своихъ національностей, сливались въ одинъ народъ, Греція одна могла подѣйствовать на побѣдителей превосходствомъ своего гения и своей образованности, сообщить имъ свою религію, положить основаніе ихъ литературѣ и философіи, словомъ—дать Римскому міру Греческо-римскій характеръ.

Впослѣдствіи, по самому своему положенію, получивъ впервые свѣтъ Христіанства, Греки усердно передавали и проповѣдывали Слово Божіе. На ихъ землѣ вознеслись первые храмы, на ихъ языкѣ объяснялось Священное Писаніе, онъ же первенствовалъ на Вселенскихъ Соборахъ, служилъ къ установленію, укрѣпленію, и направленію религиозныхъ убѣжденій въ Христіанской Европѣ.

Послѣ одиннадцати-вѣковаго существованія, Византійская имперія рушилась окончательно. Миръ Греческій, ослабленный частыми набѣгами варваровъ, разединенный и развращенный легіонами крестоносцевъ, какъ-бы подъ вліяніемъ роковой неизбежности, палъ подъ ударами жестокаго духа Корана. Но и паденіе его было достъславно, тѣмъ

болѣе, что происходило при совершенной безпомощности. Неблагодарный Западъ, равнодушно взиравшій на это паденіе, получилъ блестящее наслѣдство Греческаго гения, бѣжавшаго отъ окровавленныхъ береговъ Босфора.

Съ тѣхъ поръ четыре столѣтія ненавистнаго рабства не могли стереть изъ памяти Грековъ такого прошедшаго; молодежь ихъ воспитывалась и училась у своихъ духовныхъ пастырей, и наконецъ пришло время, когда кровью должна была окупиться ихъ независимость. Европа, пытавшаяся сначала воспрепятствовать этому возрожденію, должна была признать его подъ вліяніемъ всеобщаго восторга. Такъ, приблизительно, фазы нашихъ отношеній съ Западомъ.

Съ другой стороны, задолго до паденія Византіи, на сѣверѣ Европы возрасталъ другой народъ. Этотъ народъ позаимствовалъ у Грековъ одну только вѣру; онъ жилъ тогда въ тѣни, въ неизвѣстности; но громкая судьба его должна была отомстить притѣснителямъ Грековъ за оскорбленіе образованности, христіанства и челоуѣчества. Государи этого могущественнаго народа извѣстны были въ Греціи только покровительствомъ и благодареніями, оказываемыми восточной Церкви. Греки всегда находили въ ихъ обширномъ государствѣ пріютъ, помощь и покровительство, какъ-бы въ утѣшеніе за продолжительное равнодушіе и пренебреженіе остальной Европы. По этому весьма естественно, что въ быстрыхъ успѣхахъ Русскаго оружія Греки видѣли для себя предвѣщаніе лучшей участи.

Нынѣ, когда, повидимому, приближаемся мы къ неизбежному сроку, назначенному Провидѣніемъ; когда желанія и надежды Грековъ готовятся перейти предѣлы, назначенные имъ пустою дипломатіею Запада, самолюбивая Англія силится заглушить голосъ правды и справедливости восклицаніями своихъ митинговъ, а католическая Франція пытается продать намъ свое расположеніе цѣною нашихъ религиозныхъ вѣрованій.

Конечно, по упомянутымъ соображеніямъ, мы

представленій является новая картина. Онъ властелинъ всѣхъ вымысловъ, всѣхъ обмановъ, такъ дорого цѣнимыхъ публикой. У него въ зависимости и поэтъ и музыкантъ и всѣ толкователи искусства. Въмѣсто повелительнаго жезла онъ держитъ въ рукахъ толстую кнѣзь, и въ простомъ нарядѣ, въ красной ермолкѣ, въ забрызганной курткѣ, окруженный глиняными горшечками, онъ, съ высоты чердака своего управляетъ своей маленькой вселенной. Подъ волшебной рукой его вдругъ возникаетъ мрачное кладбище Роберта, или веселая Швейцарская деревенка, отчетливая и граціозная, какъ мольбертный пейзажъ. Но какъ ни велика его власть, какъ ни высокъ его талантъ, онъ долженъ сознаться, что его искусство, какъ всѣ сценическія искусства, неблагоугодно, неоставляющее по себѣ слѣдовъ. Другіе даровитые живописцы, написавъ картину, передаютъ ее потомству и потомство сохраняетъ ихъ имя, любитъ, дорожитъ ихъ произведеніями. Труды декоратора не долговѣчны. Они блекнутъ, вытираются, и самъ художникъ не рѣдко изъ Арמידова сада, написаннаго съ любовью, дѣлаетъ простую водевильную комнату: фантазію обращаетъ въ прозу. По этой грустной причинѣ, декораторы не оставляютъ по себѣ громкаго имени, и если Дагерръ прославился, то это конечно не потому, что онъ былъ декораторомъ, чего никто почти не знаетъ, а потому, что, благодаря своей гениальности, онъ искусство свое довелъ до степени науки, и изобрѣлъ дагерротипъ.

У насъ въ Тифлисѣ живетъ уже болѣе трехъ лѣтъ любимый ученикъ Дагерра, товарищъ Чичери и Камбона, извѣстныхъ декораторовъ Парижской большой оперы, безспорно первой въ мірѣ по своимъ обстановкамъ, г. Дербезъ, въ полномъ смыслѣ слова художникъ. Образовавшись подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ, онъ уже болѣе сорока лѣтъ какъ посвятилъ себя своей специальности. Въ

Парижѣ онъ прожилъ весь вѣкъ свой, но не тревожной Парижской жизни, а въ скромныхъ, постоянныхъ, неусыпныхъ трудахъ. Изъ Парижа онъ ѣздилъ только на три года въ Гамбургъ, гдѣ преобразовалъ тамошній театръ. Вторая его поѣздка—въ Тифлисъ. Его прибытіемъ мы обязаны другому первостепенному художнику, князю Г. Г. Гагарину. Князь Гагаринъ, подарившій Тифлисъ въ полномъ смыслѣ безподобной отдѣлкой здѣшней театральной залы, довершилъ свой художественный подвигъ тѣмъ, что, будучи въ Парижѣ, отыскавъ между парижскими артистами г. Дербеза и склонилъ его пріѣхать въ Тифлисъ. Не легко было г-ну Дербезу начать въ Тифлисѣ небывалое дѣло, въ Краѣ, гдѣ общественность и удовольствія туземцевъ имѣли свой рѣзкій, особенный, восточный характеръ. Г. Дербезъ полюбился лезгинкой, поморщился отъ зурны, какъ артистъ восхитился всѣми артистическими особенностями, изобилующими на Кавказѣ,—но въ тоже время, какъ двигатель кулиснаго міра, куда ни оглядывался, не находилъ себѣ помощника. На первое время онъ долженъ былъ припомнить всю черную работу своего дѣла и взять ее на себя. Онъ вооружился топоромъ и пилой, началъ пилить и рубить доски, шивать холстъ, составлять, растирать краски. Онъ началъ съ азбуки, съ первыхъ основаній, одинъ, своимъ единственнымъ лицомъ, какъ будто онъ за тѣмъ пріѣхалъ, какъ будто онъ не обладалъ серьезнымъ, признаннымъ талантомъ. Художникъ сдѣлался мастеревымъ, но за то мастеровой оказался вскорѣ отличнымъ художникомъ. Въ три года съ небольшимъ г. Дербезъ одинъ исписалъ болѣе 17,000 аршинъ холста, и представилъ намъ цѣлый рядъ огромныхъ картинъ, которыя, къ сожалѣнію, ничто иное какъ декорации, а то-бы доставили ему громкую извѣстность.

Какъ истинно-даровитый человѣкъ, онъ скромнѣе и тихѣе

не полагаемъ, чтобы два владѣнны, которыхъ исторія мы здѣсь коротко рассказали, дѣлали были взаимно исключать другъ друга или враждовать въ Греческой. Если влѣдствіе единства Вѣры, общности враговъ, общности преданій, обычаевъ, неизгладимыхъ воспоминаній, сердце никогда не перестанетъ биться при успѣхѣ Русскаго оружія: то съ другой стороны Греки, по природной живости сообщенія, по стремленію къ образованности, по чудной воспримчивости, всегда могли бы сочувствовать народамъ западнымъ; они сдѣлаютъ оцѣнить такое вліяніе ихъ правительствъ, коль-скоро они устранивъ идеи тѣсныя, безразсудныя, несбыточные, примутъ въ Греціи политику справедливую, благоразумную и практическую. Г. Тьеръ, въ Империі Консульства и Имперіи, говоритъ, что во время Египетской экспедиціи Греки и Сиріане сдѣлались друзьями и союзниками Франціи потому именно, что она воевала съ Турками. Если это такъ, то теперь дѣло г. Тьера доказать своимъ соотечественникамъ, что Греки послушны чувству, которое онъ указалъ, посылая мольбы за Русскихъ сражающихся съ врагами ихъ вѣры и притѣснителями ихъ отечества; дѣло его сказать, что Греки присоединяя двуглаваго орла къ священному знамени ихъ народной независимости, только повиновались стремленіямъ естественнымъ, всегдашнимъ и неотвратимымъ. Наконецъ Греческій гений не ставитъ безъ окончанія страницы своей исторіи, столь уже исписанная, и сдѣлаетъ, если нужно и можетъ быть въ послѣдній разъ, внушить братьямъ нашимъ, еще угнетаемымъ мусульманами, то воодушевленіе, которое поведетъ ихъ къ окончательному освобожденію.

Извѣстіе изъ Баку.

Въ письмѣ изъ Баку извѣщаютъ, что 21-го января, въ 7 часовъ вечера, въ 30 верстахъ отъ Баку по Сальянской дорогѣ было изверженіе. Баку вдругъ озарился необыкновенно—яркимъ свѣтомъ

Объ немъ никто не слышитъ, но всѣ видятъ и цѣнятъ его произведенія. Онъ не провозглашаетъ о своихъ заслугахъ, не удивляется себѣ, а съ утра до вечера работаетъ въ своемъ уголку, изрѣдка урываясь изъ мастерской, чтобы отдохнуть въ тѣсномъ кругу своихъ друзей; ихъ немного, потому-что г-ну Дербезу некогда; но кто знаетъ его, тотъ можетъ не отдать должной справедливости его добродушности, тихо-безмятежнымъ свойствамъ его кроткой природы. Не смотря на долговременную опытность, на бѣлые его волосы, онъ въ душѣ остался молодъ и кротокъ, такъ же смиренно и нехвастливо уѣзжаетъ отъ насъ, какъ и пріѣхалъ.

Но грѣшно будетъ Тифлису, если онъ не проведетъ, какъ должно, лучшаго, хотя и незримаго, артиста тифлисской сцены—артиста, въ теченіи трехъ лѣтъ съ половиной отъ ранней зари удовольствіемъ и поученіемъ здѣшней публики. Дирекціей театра назначенъ завтра, 18 февраля, прощальный бенефисъ г. Дербезу. Въ этомъ представленіи участвуютъ наши 4 труппы, какъ и быть слѣдуетъ, потому-что г. Дербезъ трудился для каждой изъ нихъ. Я уже сказалъ, что самъ я всегда сочувствую каждому бенефису и объяснилъ почему; но въ настоящемъ случаѣ мнѣ кажется, что завтрашній бенефисъ заслуживаетъ, кромѣ обыкновеннаго участія, особеннѣйшаго уваженія и вниманія. Онъ долженъ быть свидѣтельствомъ благодарности здѣшняго города къ человѣку, водворившему здѣсь личнымъ трудомъ своимъ новое искусство, къ челоуѣку уже преклонныхъ лѣтъ, оставившему для насъ свое семейство, и такъ совѣстливо, такъ превосходно исполнившему свою обязанность.

1855
1855

и всѣ жители, встревоженные, невольно выбѣжали на крыши, чтобы удостовѣриться о причинѣ такого явленія, и увидѣли, что къ сторонѣ Сальнгъ, или лучше сказать, по направленію къ малымъ Бакинскимъ огнямъ (лежащимъ противоположно атемгамъ) изъ-за ближайшихъ горъ выходило пламя, которое сначала подымалось высоко, но вскорѣ стало уменьшаться, и потомъ видѣли одно лишь зарево съ облаками дыму. Явленіе это продолжалось не болѣе 20 минутъ. Вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что было на мѣстѣ изверженія, пока нѣтъ; но, по словамъ Татаръ-гуземцевъ Бакинскаго уѣзда, удостовѣряютъ они, что одна и таже гора въ 2-хъ или 3-хъ лѣтній періодъ постоянно выбрасываетъ пламя. Такъ случилось и нынѣ; изверженіе пламени прекратилось скоро, потому-что жерло вулкана, вскорѣ послѣ перваго момента изверженія, было засыпано обвалившеюся окранныю, состоящею изъ песчаного и рыхлаго грунта.

М. С.

БІОГРАФІЯ

ГЕНЕРАЛА КОТЛЯРЕВСКАГО,

сочиненіе

Графа В. Соллогуба.

ЕГО СВѢТЛОСТИ

КНЯЗЮ МИХАИЛУ СЕМЕНОВИЧУ
ВОРОНЦОВУ,

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОТДѢЛНЫМЪ КАВКАЗСКИМЪ КОРПУСОМЪ.

Посвятивъ свои Тифлисскіе досуги на составленіе біографіи генерала Котляревскаго, я исполнилъ приказаніе Вашей Свѣтлости—приказаніе, которое такъ согласовалось съ моимъ душевнымъ желаніемъ, оставить по себѣ нѣсколько словъ въ память благоговѣйнаго чувства, внушеннаго мнѣ Кавказскимъ войскомъ. Нельзя быть на Кавказѣ свидѣтелемъ постоянныхъ подвиговъ Русскаго оружія и глядѣть равнодушно на исполненію борьбу между природой и людьми. Нельзя посреди столькихъ смиренныхъ призваній и блестящихъ отличій не слѣдить душою за труднымъ дѣломъ кровопролитнаго миротворенія, совершаемаго въ здѣшнемъ Краѣ. Какъ ни хороши горы въ величественныхъ картинахъ, въ живописной ихъ жизни; но сердечная наша заботливость прикована не столько къ Кавказу, сколько къ судьбѣ Русскихъ на Кавказѣ, къ значенію ихъ успѣховъ, къ ихъ долѣ и дѣйствіямъ, къ препятствіямъ ими побораемымъ, къ побѣдамъ ими съ трудомъ и славою одержаннымъ.

Вглядываясь въ военные Кавказскіе нравы, я могъ убѣдиться, что упорная и непрестанная борьба образуетъ здѣсь часто людей особаго рода, особаго закала, для которыхъ война не эпизодъ въ жизни, а самая жизнь. Отчужденные отъ прикосновенія быта общественаго, они сосредоточиваютъ въ строгомъ исполненіи служебнаго долга всю свою дѣятельность, всѣ свои сердечныя пощечія. Для нихъ полкъ замѣняетъ и далекую родину и милое семейство,—наблюденіе за подчиненными озачиниваетъ ихъ будничные дни,—а праздники ихъ въ тревогахъ и схваткахъ съ непріателемъ. Такіе люди рождаются съ особымъ, тяжелымъ, назначеніемъ,—но они совершаютъ великіе подвиги, и совершаютъ ихъ не хвастливо, не запальчиво, не ожидая ни похвалъ, ни извѣстности, встрѣчая смерть и перенося жизнь,—потому-что такъ быть должно и иначе быть не можетъ. Такихъ людей легко насчитать можно немало въ храбрыхъ рядахъ Кавказскаго войска. Они потомки тѣхъ славныхъ сподвижниковъ Вашихъ, Гулякова, Карягина, Лисаневича, Котляревскаго, которые первые привѣтствовали Вася на военномъ поприщѣ, въ томъ самомъ Краѣ, на той

самой войнѣ, что нынѣ поручены заслугамъ Вашимъ Престолу и Отечеству.

Въ памяти Вашей живо сохранились эти люди другаго времени, образцы людямъ времени настоящаго; но болѣе всѣхъ и ярче всѣхъ остался вамъ памятенъ Котляревскій, подлѣ величественнаго образа Вашего наставника въ военномъ дѣлѣ, незабвеннаго въ Грузіи князя Цицианова. Вамъ угодно было, чтобъ хотя въ нетвердыхъ чертахъ были выражены подвиги, отличія и рѣдкія достоинства Вашего товарища, которому Вы нѣкогда подали руку помощи на полѣ сраженія, и который, будучи Вамъ обязанъ спасеніемъ, самъ спасъ въ послѣдствіи и Грузію и всѣхъ Русскихъ за Кавказомъ.

Но, съ непритворнымъ сожалѣніемъ, я долженъ сознаться, что біографія генерала Котляревскаго, мною, по волѣ Вашей Свѣтлости, составленная, не оправдываетъ вполне того, чего слѣдовало бы отъ нея ожидать. Надо быть очевидцемъ событій, чтобъ придать имъ при описаніи яркость, картинность и жизнь. Сухія реляціи, архивная пыль сохраняютъ лишь холодный остовъ минувшаго. Кто не видалъ, кто не прочувствовалъ того, что онъ выражаетъ, не въ силахъ передать вполне—удовлетворительно случаетъ имъ самимъ неиспытанныхъ.

Я познакомился съ жизнью генерала Котляревскаго только послѣ его смерти. Мнѣ оставалось прослѣдить его дѣйствія по актамъ и бумагамъ. Въ трудѣ подобнаго рода единственныя достоинства—точность и совѣстливость. Каждое слово должно подтверждаться исторически—вѣрнымъ источникомъ, а преувѣдиченіе, свойственное писателямъ, отнюдь не можетъ быть допущено.

Въ этомъ отношеніи, смѣю сказать, что книга, Вашей Свѣтлости представляемая, соответствуетъ правилу меня руководившему.

Событія въ ней описанныя подтверждаются свѣдѣніями, извлеченными изъ бумагохранилищъ Вашей Канцеляріи и Генеральнаго Штаба,—изъ разсказовъ очевидцевъ, изъ немногихъ матеріаловъ, полученныхъ отъ людей достовѣрныхъ.

Я позволилъ себѣ только, чтобъ выпуклѣ выставить личность генерала Котляревскаго, помѣстивъ въ его біографіи легкій очеркъ главныхъ происшествій, современныхъ его службѣ.—Значеніе его заслугъ можетъ быть оцѣнено только въ общей связи обстоятельствъ его времени.

Самъ же онъ ничего не оставилъ, кромѣ мѣстъ имъ завоеванныхъ, кромѣ доброй по себѣ памяти.—Онъ принадлежалъ къ числу людей молчаливыхъ, не провозглашающихъ о себѣ, предпочитающихъ дѣла словамъ, и твердо вѣрныхъ своему призванію.—Такъ онъ жилъ, такъ онъ и умеръ.

Жизнь его, какъ извѣстно Вашей Свѣтлости, раздѣлилась рѣзко на 3 части:

Въ первой онъ свылкался съ войною,

Во второй онъ побѣждалъ какъ начальникъ отряда,

Въ третьей онъ былъ, по собственнымъ его выраженіямъ, живымъ мертвецомъ, и доживалъ вѣкъ свой страдальцемъ.

Біографія его должна была, слѣдовательно, раздѣлиться на 3 главы:

1-я отъ 1782—1811.

2-я отъ 1811—1813.

3-я отъ 1813—1852.

Въ эти 3 главы я собралъ всѣ, въ рукахъ моихъ бывшіе, матеріалы;—но они, по сказаннымъ причинамъ, не составили полной біографіи, а только краткое описаніе происшествій, изъ коихъ нѣкоторые могутъ показаться баснословными—тому, кто не знаетъ Кавказа, не знаетъ какихъ людей образуетъ его суроваи, неугомонная война.

ГЛАВА I.

(1782 — 1810 г.)

Въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, находится большое казенное село Ольховатка, гдѣ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія проживалъ бѣдный священникъ изъ дворянъ, отецъ Стефанъ Котляревскій.—Благочестивая жизнь служителя церкви прошла бы конечно незамѣтная, если бы Провидѣніе не назначило ему, въ награду его смиренной безвѣстности, сдѣлаться отцомъ человека, стяжавшаго себѣ громкое имя въ ряду Кавказскихъ воиновъ. 12-го Іюня 1782 года, Ольховатскій священникъ былъ обрадованъ роженіемъ сына, нарѣчнаго при святомъ крещеніи Петромъ.

Съ самаго дѣтства молодой Котляревскій оказывалъ рѣдкія способности, для образованія которыхъ отъ и былъ отправленъ въ Харьковскій Духовный Коллегіумъ. Въ Коллегіумѣ онъ уже на 10-ти лѣтнемъ возрастѣ находился въ классѣ риторики, но не имѣлъ еще тогда въ жизни никакой опредѣленной цѣли, какъ вдругъ странный и вовсе неожиданный случай указалъ ему на его настоящее призваніе.

Однажды, въ 1792 году, во время зимней вьюги и одной изъ тѣхъ мятелей, которыя такъ опасны въ степяхъ,—два заблудившіеся путника остановились въ Ольховаткѣ, прося убѣжища отъ непогоды. Одинъ изъ путниковъ былъ самъ начальникъ губерніи, Харьковскій гражданскій Губернаторъ, другой—Подполковникъ Лазаревъ, вѣхавшій по дѣламъ службы изъ Донской земли, гдѣ онъ квартировалъ съ четвертымъ баталіономъ бывшаго Кубанскаго егерскаго корпуса. Бѣдные жители села, помѣщаясь въ простыхъ хатахъ, не осмѣлились приютить столь именитыхъ путешественниковъ, а проводили ихъ къ дому священника. Отецъ Стефанъ принялъ ихъ съ Русскимъ радушіемъ. Сверхъ всякаго чаянія, мятель не только не утихла, но еще усилилась и продолжалась цѣлую недѣлю. Неожиданные гости должны были по необходимости оставаться все это время узниками, въ домѣ сельскаго священника. Къ счастью, отецъ Стефанъ былъ человекъ умный и образованный, время прошло незамѣтно. Станнымъ стеченіемъ обстоятельствъ люди, по званіямъ своимъ столь далекие другъ отъ друга, сблизились и подружились. Въ то время молодой Котляревскій находился у отца, тоже въ гостяхъ, вѣроятно по случаю праздниковъ. Умный и бойкій мальчикъ,—его познанія не по лѣтамъ, его рѣзкіе и благородные отвѣты чрезвычайно понравились Лазареву. Лазаревъ не былъ еще женатъ, не имѣлъ дѣтей. Ему пришла въ голову мысль отплатить священнику за недѣльный постой счастьемъ его сына. Съ этой цѣлью онъ предложилъ отцу Стефану, чтобы онъ отдалъ ему молодаго риторику на попеченіе,—обѣщая, что онъ его запишетъ къ себѣ въ баталіонъ и будетъ заботиться о немъ, какъ о близкомъ родственникѣ. Подобное предложеніе смутило и тронуло бѣднаго священника. Онъ долго колебался, долго отпѣкивался и наконецъ принужденъ былъ согласиться. Между тѣмъ мятель кончилась и Лазаревъ уѣхалъ.

Прошло полтора года. Мирное существованіе жителей Ольховатки и ихъ пастыря давно приняло свое обычное теченіе. Начинали уже забывать о бывшемъ нѣкогда посещеніи; отецъ Стефанъ уже думалъ, что полковникъ Лазаревъ пошутитъ,—но Лазаревъ помнилъ свои обѣщанія. Въ маѣ мѣсяцѣ 1793 года является въ домъ священника сержантъ, объявляя, что онъ присланъ за фурьеромъ Котляревскимъ, который, числясь уже въ строю,—требуется на Царскую службу. Дѣлать было нечего. Молодой фурьеръ обнялъ отца, вѣроятно заплакавъ въ послѣдній разъ,—принявъ пастырское и родительское благословеніе, и отправился съ своимъ вожатымъ въ штабъ-квартиру баталіона, переведенную съ Дона въ Моздокъ. Въ Моздокѣ и Наурѣ Котляревскій началъ службу, познакомился съ солдатскимъ бытомъ. Промыслу угодно было, чтобъ онъ вступилъ въ тотъ самый корпусъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ образованъ Суворовымъ, этимъ безсмертнымъ образцомъ всѣхъ Русскихъ генераловъ.

Лазаревъ сдержалъ вполне свое слово. Онъ принялъ Котляревскаго въ свой домъ, старался объ его образованіи, снабжалъ его хорошими книгами, въ особенности историческими, въ которыхъ онъ могъ изучать дѣянія древнихъ полководцевъ,—и до самой своей смерти заботился о немъ, какъ о родномъ своемъ сынѣ. Котляревскій сохранилъ до гроба благоговѣйную благодарность къ памяти своего благодѣтеля, оказавшаго своею заботливостью о пріемнѣ истинную услугу всему Государству. Годъ спустя послѣ опредѣленія на службу, Котляревскій былъ произведенъ въ сержанты; вскорѣ потомъ въ 1796 году ему довелось впервые услышать свистъ непріятельскихъ пуль.

Въ Персіи царствовалъ грозный эвнухъ Ага-Магометъ-Ханъ, опустошавшій Грузію гибельными нападѣніями. Христіанское населеніе за Кавказомъ, стѣсняемое со всѣхъ сторонъ мусульманствомъ, теряло мало по малу свое вліяніе и свои владѣнія. Персія явно простирала свои замыслы на все Закавказье, образовавшее нѣкогда, за исключеніемъ Грузіи, сперва Ширванскую провинцію, потомъ отдѣльное Ширванское владѣніе, и наконецъ раздробившееся на нѣсколько ханствъ, хотя не вполне подвластныхъ, но по единовѣрью преданныхъ Персидскому владычеству.

Упоенный своими удачами, Ага-Магометъ-Ханъ отважился оскорбить Русскаго Контръ-Адмирала, и замышлялъ о союзѣ съ Портой противъ Россіи. Къ этимъ достаточнымъ для разрыва причинамъ присоединились и другія высшія соображенія о защитѣ измученной Грузіи, о пользахъ Русской торговли. Братъ Шаха, Муртаза-Кули-Ханъ, владѣтель богатой при-Каспійской провинціи Гилянъ, испугавшись мести Аги Магомета за то, что не хотѣлъ уступить ему лошади, купленной за 4000 червонцевъ, бѣжалъ въ Петербургъ, прося заступничества. Вскорѣ за тѣмъ война между Россіей и Персіей была объявлена, и графъ Зубовъ прибылъ въ Кизляръ въ качествѣ главнокомандующаго. Съ нимъ прибылъ и Муртаза-Кули-Ханъ, посягавшій на Персидскій престолъ. Немедленно начались военныя дѣйствія. Въ Дагестанѣ уже находился трехъ-тысячный отрядъ, подъ начальствомъ Г. М. Савельева, который безуспѣшно покушался овладѣть Дербентомъ. Къ этому важному пункту, занятому некогда Петромъ Великимъ, устремилась Русская армія, раздѣлившись на двѣ части. Первую, самую значительную, повелъ графъ Зубовъ, внизъ по Каспійскому берегу, вторая, подъ начальствомъ генерала Булгакова, должна была, пройдя обходомъ чрезъ трудныя Табасаранскія ущелья, подойти къ крѣпости съ противоположной стороны (*). Въ этомъ отрядѣ находился 4-й баталіонъ Кубанскаго корпуса, съ Лазаревымъ, а въ солдатскихъ рядахъ, съ ружьемъ на плечъ, шелъ сержантъ Котляревскій.

Ему суждено было быть свидѣтелемъ всѣхъ событій той продолжительной борьбы, которая начиналась съ грознаго нашествія, продолжилась потомъ неутомимой битвой горсти храбрыхъ противъ цѣлаго государства, — и кончилась наконецъ двумя изумительными побѣдами, которыми уже самъ Котляревскій заключилъ свое военное поприще. Молодой сержантъ имѣлъ случай познакомиться и съ трудной походной жизнью, и съ Кавказскою природою, и съ Азіатскою войною, и съ Азіатскимъ вѣроломствомъ. — Онъ перестрѣливался съ Лезгинами на той странной войнѣ, гдѣ за каждымъ кустомъ сидитъ невидимый непріятель, выбирающій свою жертву въ цѣпи, охраняющей колонну, тогда какъ самая колонна разстилается и вѣтся змѣей, по изгибамъ сдвинутыхъ утесовъ. — Онъ присутствовалъ при осадѣ Дербента, при сдачѣ крѣпости. — Онъ видѣлъ какъ Шихъ-Али-Ханъ Дербентскій, испуганный появленіемъ Русскихъ, сдался графу Зубову и былъ принятъ съ почестью нашимъ войскомъ, за которымъ слѣдовалъ какъ почетный пѣвникъ. Онъ видѣлъ какъ, восхваляя всѣхъ своимъ лихимъ набѣдничествомъ и джитиговкой, Шихъ-Али-Ханъ однажды вдругъ поскакалъ на крутую гору, на вершинѣ которой показались люди его ожиданіе, и пѣвникъ скрылся въ виду цѣлой арміи. Другой владѣтель Мустафа-Ханъ Ширванскій, оказавшій въ послѣдствіи Русскимъ истинныя услуги, но не довѣряя еще имъ въ то время, тоже бѣжалъ. Ханство его было передано его престарѣлому дядѣ Касимъ-Хану, изъявившему совершенную преданность Русскимъ и непреминувшему взбунтоваться при первой возможности. Для молодого человека, желавшаго узнать мѣстные обычаи, случай представлялся самый удобный. Хотя экспедиція не ознаменовалась важными битвами, но событія, ее сопровождавшія, были во многомъ поучительны, — въ особенности для познанія войны на Востокѣ. Послѣ опасной переправы чрезъ страшную рѣку Самуръ, самую стремительную и самую широкую изъ всѣхъ Кавказскихъ рѣкъ, Русское войско, занявъ на пути ханства Кубинское и Бакинское, дошло до Муганской степи. — Отсюда отдѣлился отрядъ, подъ начальствомъ Генерала Корсакова, вверхъ на помощь Грузинскому царю Ираклію. — Отрядъ, съ которымъ находился и Котляревскій, дошелъ до Ганжи. — Ганжинскій ханъ сдался безъ сопротивленія. — То былъ тотъ самый Джаватъ-Ханъ, который въ послѣдствіи такъ отчаянно защищался противъ князя Цицианова. — Такимъ образомъ экспедиція продолжалась успѣшно. — Встрѣвоженный Ага-Магометъ-Ханъ не смѣлъ еще двинуть своихъ полчищъ противъ угрожающаго ему гибелью вторженія, какъ вдругъ кампанія окончилась самымъ неожиданнымъ образомъ. 24 Декабря получено въ главномъ лагерѣ извѣстіе

о кончинѣ царствующей Императрицы. — Въ то же время полки получили отъ воцарившагося Императора Павла I-го, не желавшаго продолжать войны съ Персіей, приказаніе возвратиться въ свои штабъ-квартиры. — Графъ Зубовъ сдалъ командованіе начальнику Кавказской линіи графу Гудовичу и войска немедленно выступили въ обратный путь. — Надобно сказать, что Военная Коллегія не утвердила награды, назначенныхъ Графомъ Зубовымъ. — Сержантъ Котляревскій, надѣявшійся на дѣть, по представленію М. Лазарева, первые офицерскіе эполеты, долженъ былъ продолжать еще два года службу въ нижнихъ чинахъ. Только въ 1799 году, онъ былъ произведенъ въ Подпоручики, а такъ-какъ 4-й баталіонъ Кубанскаго Корпуса былъ переименованъ въ 17-й Егерскій полкъ (*), то шефъ новаго полка, его благодѣтель, г. Лазаревъ выбралъ его шефскимъ адъютантомъ. — Котляревскому было тогда 17 лѣтъ. — Онъ уже славился въ полку характеромъ стойкимъ, умомъ свѣтлымъ и прощательнымъ и рѣдкой любознательностью, но не имѣлъ еще случая отличиться. — Вскорѣ этотъ случай представился. — 17-й егерскій полкъ получилъ приказаніе послѣдствовать въ Грузію, не прежнимъ окольнымъ путемъ, а прямо черезъ горы. — Съ этимъ переходомъ начинается для Котляревскаго цѣлая непрерывная цѣпь сраженій и событій, въ коихъ онъ принималъ все болѣе и болѣе дѣятельное участіе, но для уразумѣнія которыхъ необходимо бросить бѣглый взглядъ на тогдашнее состояніе Закавказья.

(Продолж. впрѣд.)

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОВОСТЬ.

«Биографія генерала Котляревскаго», сочиненіе графа В. А. Соллогуба, въ настоящее время печатается отдѣльной книгой, въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и на дняхъ поступитъ въ продажу. «Посвященіе», служащее вступленіемъ къ биографіи, а также первая глава сочиненія, являются въ «Кавказѣ» какъ предвѣстники и въ то же время какъ образчики цѣлаго труда. По выходѣ въ свѣтъ книги гр. Соллогуба, «Кавказъ» не замедлитъ отдать о ней свой библиографическій отчетъ. Теперь-же мы спѣшимъ подѣлиться съ читателями «Кавказа» приятной литературной новостью, приятной особенно для здѣшняго Края, котораго славную военную лѣтопись, отъ 1782 по 1813 годъ, вмѣщаетъ въ себѣ «Биографія генерала Котляревскаго.» Гг. желающіе получить сочиненіе гр. Соллогуба, благоволятъ обращаться въ редакцію газеты «Кавказъ», гдѣ она будетъ исключительно продаваться.

Отъ новой Редакціи ГАЗЕТЫ „КАВКАЗЪ.“

Съ нынѣшняго, 14-го № газеты «Кавказъ» начнутся дѣйствія новой редакціи газеты. Оставаясь

(*) Пыль Эриванскій Карабинерный.

въ предѣлахъ прежней программы изданія, извѣстны всѣмъ читателямъ «Кавказа», редакція спѣшитъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что всѣ заботы будутъ отнынѣ въ особенности направлены на осуществленіе главной цѣли газеты: на ознакомленіе Россіи съ Кавказомъ, Закавказьемъ, смежнымъ сѣверными Востокомъ, и съ славными дѣлами доблестнаго Русскаго оружія на Кавказѣ и за Кавказомъ. На этомъ основаніи, при выборѣ статей, получаемыхъ редакцію Кавказа, будетъ постоянно отдаваемо преимущество тѣмъ изъ нихъ, которыя будутъ направлены на разъясненіе вопросовъ, касающихся Этнографіи, Исторіи, Статистики, Географіи, современной жизни Кавказа и Закавказскаго Края. За такіе труды, а также за извѣстія о подробностяхъ разныхъ замѣчательныхъ случаевъ изъ боевой жизни прославленнаго на Кавказѣ Русскаго войска, — Редакція всегда будетъ особенно признательна, и доставленіи такихъ матеріаловъ «Кавказу» покорнѣе проситъ всѣхъ ревнующихъ объ успѣхѣ истинно-полезнаго изданія... Свѣдѣнія изъ внутренней Россіи и любопытнѣйшія извѣстія изъ Европейскаго политическаго міра, по прежнему, также будутъ входить въ составъ «Кавказа», собственно для Закавказскихъ его читателей. Гг. подписчики, съ своими требованіями, благоволятъ, какъ и прежде, обращаться въ Канцелярію Намѣстника Кавказскаго; статьи-же, сообщаемыя Редакціи, должны быть адресованы прямо «въ Редакцію газеты «Кавказъ», находящуюся въ Тифлисѣ, на старой Институтской улицѣ, въ домѣ гражданина Зарабова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Симъ объявляется, что билетъ Закавказскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, подъ № 136, выданный дворянину Захарію Туркистанову, на 62 руб. сереб., утерянъ, при частыхъ его переездахъ по дѣламъ службы, а потому оный считать недействительнымъ.

ФАРМАЦІИ.

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА

Ө. Ө. БОБЫЛЕВА,

близъ Кутаиса.

Имѣю честь извѣстить Тифлискую публику и въ особенности любителей хорошихъ папиросъ, что товары моей фабрики поступили въ продажу въ магазинъ Г. ГИЛЕ, на Николаевской площади въ домѣ Сербинова, по цѣнамъ самымъ умѣреннымъ.

ТИФЛИССКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Среду, 17-ю Февраля.
Опера — Фенелла.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°			Сыросль воздуха	Барометръ при 13 ¹ / ₂ Р°. Русс. полуниц.	Направленія вѣтра.	состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.	Наим.					Наиб.	
12-го Фев.	7 утра.	+ 2,9	+ 0,9	0,62	564,13	СЗ. оч. сил.	Обл. перист. слоис.	+ 2,7	+ 5,6	
	1 попол.	+ 5,6	+ 2,3	0,47	565,22	— — —	Обл. разс.			
	9 вечер.	+ 2,0	- 0,1	0,62	567,81	— — —	Обл. на гориз.			
13-го Фев.	7 утра.	+ 1,5	- 0,2	0,68	569,06	СЗ. оч. сил.	Обла перистыя.	+ 1,0	+ 5,2	
	1 попол.	+ 4,6	+ 1,0	0,39	569,97	— сил.	Обл. разс.			
	9 вечер.	+ 0,3	- 1,4	0,65	569,27	— слаб.	Обл. на гориз.			
14-го Фев.	7 утра.	- 3,6	- 4,0	0,88	569,40	Тихо.	Обл. на гориз.	- 3,7	+ 5,8	
	1 попол.	+ 4,1	+ 1,7	0,58	567,84	ЮВ. слаб.	Обл. тонкія.			
	9 вечер.	+ 1,2	- 0,6	0,66	567,35	С. оч. слаб.	Обл. на гориз.			
15-го Фев.	7 утра.	- 0,8	- 1,9	0,77	566,56	С. оч. слаб.	Обл. на гориз.	- 1,8	+ 7,7	
	1 попол.	+ 7,2	+ 3,2	0,40	565,15	ЮВ. слаб.	— — —			
	9 вечер.	+ 4,7	+ 2,3	0,59	566,51	С. слаб.	Обл. разс.			

(*) Въ походѣ участвовалъ артиллерія Капитанъ А. П. Ермоловъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЪ, 17-го Февраля 1854. Исправляющій должность Цензора А. Зайцевъ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ Е. ВЕРДЕРЕСВІЙ.